

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

БРЭМ
СТОКЕР

ДРАКУЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445
С81

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Bram Stoker
DRACULA'S GUEST
DRACULA

*Перевод с английского Татьяны Красавченко
Оформление обложки Василия Половцева*

Стокер, Брэм.

С81 Дракула / Брэм Стокер ; [пер. с англ. Т. Красавченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 512 с. — (Мастера магического реализма (покет)).

ISBN 978-5-17-104418-3)

К самому популярному роману Брэма Стокера можно относиться по-разному. Нельзя отрицать лишь одного: ни одна книга о вампирах, написанная до или после «Дракулы», не может сравниться с ним по влиянию на литературу, искусство и массовую культуру двадцатого века. Достаточно упомянуть, что с момента первой экранизации в 1920 году не было ни одного десятилетия, в которое не выходил хотя бы один фильм, посвященный бессмертному графу, его невестам и главному противнику, профессору Ван Хельсингу. Прибавьте к этому театральные постановки, анимацию, комиксы, настольные и видеоигры, а также огромное количество литературных продолжений и интерпретаций, и вы поймете, что Стокер создал не просто героя, а новую мифологию. Удивительно притягательную, как и любой истинный миф.

В настоящее издание вошли не только наиболее полный русский перевод романа, но и его первая глава, исключенная из текста самим Стокером и позднее опубликованная его вдовой в качестве самостоятельного произведения.

**УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445**

© Т.Н. Красавченко, перевод на русский язык, 2016
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-104418-3

ГОСТЬ
ДРАКУЛЫ

Перевод рассказа осуществлен по изданию: *Stoker B.*
Dracula's Guest and Other Weird Tales. 1914.

Когда мы тронулись в путь, над Мюнхеном ярко светило солнце, а в воздухе была разлита радость раннего лета. Перед самым нашим отъездом герр Дельбрук, управляющий гостиницы «*Quatre Saisons*»,¹ где я остановился, спустился с непокрытой головой к экипажу и, пожелав мне счастливого пути, сказал кучеру, придерживая ручку дверцы экипажа:

— Помните, нужно вернуться до наступления сумерек. Небо вроде бы ясное, но, судя по порывам северного ветра, может внезапно разразиться буря. Надеюсь, вы вернетесь вовремя. — И, улыбнувшись, добавил: — Вы же знаете, какая сегодня ночь.

— *Ja, mein Herr*,² — ответил с особым выражением Иоганн и, прикоснувшись к шляпе, быстро поехал.

Когда мы были уже за городом, я подал ему знак остановиться и спросил:

— Скажите, Иоганн, а что сегодня за ночь?

Перекрестившись, он коротко ответил:

— *Walpurgisnacht*.³

¹ Времена года (*фр.*).

² Да, господин (*нем.*).

³ Вальпургиева ночь (*нем.*) — ночь с 30 апреля на 1 мая

Затем достал старинные, величиной с репу часы из немецкого серебра, нахмурившись, взглянул на них и раздраженно пожал плечами.

Я понял, таким образом он вежливо выразил протест против непредусмотренной задержки, и, махнув ему рукой, чтобы он ехал дальше, откинулся на спинку сиденья — в глубь экипажа. Кучер щелкнул бичом, словно желая наверстать упущенное время. Лошади время от времени вскидывали головы и настороженно принюхивались. Тогда и я стал тревожно поглядывать по сторонам.

Дорога была довольно унылой — мы ехали по выветренному плоскогорью. Вскоре я заметил дорогу, по которой, судя по всему, мало кто ездил; она тянулась вдоль небольшой извилистой лощины и выглядела так заманчиво, что я, рискуя вызвать недовольство Иоганна, все-таки крикнул, чтобы он остановился. Когда кучер натянул поводья, я попросил его свернуть на эту дорогу. Иоганн стал отказываться под самыми разными предложениями, при этом он без конца крестился, чем лишь подогрел мое любопытство, и я засыпал его вопросами. Отвечал он сбивчиво и постоянно в знак недовольства поглядывал на часы.

В конце концов я не выдержал:

— Вот что, Иоганн, я хочу ехать по этой дороге. Если вы не хотите, не надо, но объясните почему — вот все, о чем я прошу.

(день памяти святой Вальпурги); у древних германцев праздник начала весны. По немецким народным поверьям, в эту ночь на горе Брокен в Гарце происходит «великий шабаш», когда ведьмы пытаются помешать благополучному течению весны и насылают порчу на людей и скот. Возможно, именно этим объясняется необычный для конца апреля снегопад, описанный Стокером.

В ответ кучер, как мне показалось, просто упал с козел — столь мгновенно он оказался на земле — и, умоляюще простирая ко мне руки, стал заклинать меня не ехать туда. В его немецкой речи было достаточно английских слов, чтобы я улавливал ее смысл. Казалось, Иоганн уже готов был что-то рассказать, но, очевидно, сама мысль об этом «что-то» пугала его, и он, сдерживая себя, лишь повторял: «*Walpurgisnacht!*»

Я попробовал убедить его, но трудно убедить человека, если не знаешь его языка. Разумеется, он остался при своем мнении — правда, честно пытался говорить со мной по-английски, ужасно и бессвязно, но неизменно начинал так волноваться, что переходил на родной язык, при этом то и дело поглядывая на часы.

Лошади вдруг встрепнулись и стали беспокойно принюхиваться. При виде этого Иоганн сильно побледнел и, со страхом озираясь по сторонам, схватил лошадей под уздцы и отвел футов на двадцать назад. Я пошел за ним и спросил, зачем он это сделал.

Вместо ответа Иоганн перекрестился, указал на место, только что покинутое нами, и, направив экипаж к другой дороге, пробормотал, снова перекрестившись, сначала по-немецки, потом по-английски:

— Там похоронили его — ну того, что убивают себя.

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог:

— А! Понимаю, самоубийца! Любопытно!

Но хоть убей, не мог понять, что встревожило лошадей.

Во время нашего разговора раздался странный звук — что-то среднее между визгом и лаем. И хотя он доносился издали, наши лошади еще больше забеспокоились,

Иоганну потребовались немало времени и сил, чтобы их успокоить.

— Похоже на волка, вот только откуда бы ему сейчас здесь взяться, — растерянно пробормотал по-прежнему бледный кучер.

— Как «откуда»? Неужели их нет в этих местах?

— Как не быть. Весной и летом, да и совсем недавно, зимой, пока лежал снег, с ними тут сладу не было.

Пока он похлопывал и гладил лошадей, темные тучи быстро затянули небо, скрыв солнце. Волна ледяного воздуха захлестнула нас. Это был всего лишь порыв холодного ветра, что-то вроде предупреждения, потому что вновь выглянуло яркое солнце. Иоганн прикрыл глаза рукой, как козырьком, и вгляделся в даль.

— Буря, — мрачно сказал он, — скоро начнется буря.

Потом снова посмотрел на часы и, крепко держа поводья — лошади по-прежнему встревоженно били землю копытами и трясли головами, — быстро взобрался на козлы, давая понять, что пора ехать. Я из чувства противоречия не сразу сел в экипаж.

— Расскажите мне о месте, куда ведет та дорога, — попросил я и показал вниз.

Иоганн опять перекрестился, пробормотал молитву и лишь потом ответил:

— Оно нечисто.

— Что нечисто?

— Селение.

— Значит, там селение?

— Да нет же, там уж лет триста-четырееста никто не живет.

Мое любопытство возросло.

Дракула

— Но вы сказали, там было селение.

— Было.

— А где же оно теперь?

И тогда он начал долгий рассказ то по-немецки, то по-английски, такой путаный, что мне трудно было понять, о чем речь. В общих чертах я понял, что давным-давно, несколько столетий назад, там во время очередных похорон из-под глинистой земли стали доноситься звуки, и когда могилы раскопали, то обнаружили в них пышущих здоровьем румяных мужчин и женщин с испачканными кровью губами.

— А потому, чтобы спасти свои жизни — и, уж конечно, души, — Иоганн перекрестился, — селяне наспех собрались и бежали в другие места, туда, где живые живы, а покойники мертвы, а не... а не что-то этакое.

Кучеру явно было страшно произнести последние слова. По мере рассказа волнение его возрастало, а разыгравшееся воображение окончательно вывело его из себя — с белым как мел лицом, весь в испарине, он озирался по сторонам, словно ожидая, что вот-вот здесь, на открытой местности, среди белого дня, при свете солнца появится что-то жуткое. Наконец, в порыве отчаяния он крикнул: «*Walpurgisnacht!*» — и кивнул на экипаж, предлагая мне вернуться на место.

Кровь англичанина взыграла во мне, и я отошел, сказав:

— Вы просто боитесь, Иоганн! Просто боитесь! Поезжайте домой, я вернусь один, мне полезно пройтись.

Дверца экипажа была открыта. Я взял с сиденья дубовую трость, с которой никогда не расставался на воскресных прогулках, и, закрыв дверцу, указал в сторону Мюнхена:

— Поезжайте-ка вы домой, Иоганн! *Walpurgisnacht* не имеет к англичанам никакого отношения.

Лошади разбушевались пуще прежнего, Иоганн пытался их удержать, одновременно возбужденно умоляя меня не вести себя так глупо. Мне было жаль беднягу, относившегося ко всем этим предрассудкам с такой убийственной серьезностью, вместе с тем я не мог сдерживать смех.

Иоганн мало-помалу окончательно перешел на родной язык. От волнения он забыл, что я понимаю только по-английски, и бормотал что-то невнятное по-немецки. Это становилось утомительным.

— Возвращайтесь! — крикнул я кучеру и направился к спуску в лощину.

С жестом отчаяния Иоганн развернул экипаж в сторону Мюнхена. Опершись на трость, я смотрел ему вслед. Некоторое время он ехал медленно, потом на гребне холма появился мужчина — высокий и худой. Я отчетливо разглядел его, хотя был далеко. Когда он приблизился к лошадям, они шарахались от него в сторону, били копытами и становились на дыбы. Иоганн не мог удержать поводья, лошадей понесло — с диким ржаньем они, как одержимые, помчались по дороге. Когда они скрылись из виду, я взглянул в сторону незнакомца и обнаружил, что он исчез.

С облегчением я свернул на ведущую в глубь лощины дорогу, против которой был так настроен Иоганн. Для этого не было никаких оснований — по крайней мере, я их не видел. Думаю, часа два я шел, забыв о времени и расстоянии, и, конечно, не встретил никого, ни человека, ни жилья. Что касается местности, она была само запустение. Но я не очень замечал это, пока за пово-

ротом не вышел к лысоватой опушке леса; только тогда до меня дошло, что неосознанно, не отдавая себе в этом отчета, был поражен запустением местности, по которой проходил мой путь.

Я присел отдохнуть и начал осматриваться. И лишь тут почувствовал — стало гораздо холоднее; вокруг раздавались какие-то вздохи, а время от времени с неба доносилось что-то вроде приглушенного рычания. Взглянув вверх, я увидел, как огромные тяжелые тучи, бегущие с севера на юг, быстро затягивают небо. Очевидно, надвигалась буря. Мне стало зябко, и, объяснив это тем, что слишком долго сижу после быстрой ходьбы, я продолжил путь.

Местность, по которой я шел сейчас, была гораздо живописнее. Ничто не резало глаз, во всем было очарование красоты. Я почти совсем забыл о времени и, лишь заметив, что сумерки сгущаются, начал думать о возвращении. Продолжало холодать, еще четче определилось движение туч высоко в небе. Общей мрачности сопутствовал далекий пронзительный звук, время от времени сменявшийся загадочным воем, который кучер ранее приписал волку.

Помедлив немного в раздумье, я решил все же осмотреть покинутое селение, пошел дальше и вскоре вышел в просторную долину, окруженную со всех сторон холмами. На их отлогих, спускавшихся к равнине склонах и в ложбинах росли деревья, образуя многочисленные рощицы. Я стал разглядывать извилистую дорогу, она сворачивала к одной из рощиц и потом терялась из виду.

Пошел снег. Прикинув, сколько миль пройдено по этой мрачной местности, я поспешил укрыться в лесу. Небо темнело, все сильнее валил снег, вскоре

вокруг меня возник сверкающий белый ковер, дальний край которого терялся в туманной мгле. Лес был дремучим — ни дорог, ни зарубок на деревьях, как обычно принято на лесосеках. Вскоре я понял, что, по-видимому, сбился с пути — мои ноги увязали в траве и мху. Ветер дул мне в спину, подгоняя меня; в конце концов мне пришлось бежать наперегонки с ним. Воздух стал просто ледяным, и, несмотря на бег, у меня зуб на зуб не попадал. Снег валил все сильнее, залепляя мне глаза, разыгравшаяся вьюга затягивала меня в свою круговерть. Время от времени яркая молния раздирала небо, и я видел впереди озаренную вспышками лесную чашу, состоявшую в основном из засыпанных снегом тисов и кипарисов.

Вскоре я нашел укрытие под деревьями, там было относительно тихо, только где-то высоко ревел ветер. Ночная тьма из-за низко летящих туч казалась еще более непроглядной. Меж тем буря как будто стихала, о ней напоминали лишь редкие порывы ветра. В такие моменты странный волчий вой эхом отзывался многочисленными, сходными с ним звуками.

Порой сквозь черную пелену дрейфующих туч пробивался одинокий лунный луч, и я видел, что нахожусь в густых зарослях деревьев. Когда перестал идти снег, я выбрался из своего укрытия и стал внимательнее изучать округу. Меня вдруг осенило, что в покинутом селении, вполне вероятно, найдется дом, пусть даже разрушенный, в котором на некоторое время можно найти убежище. За пределами зарослей я обнаружил окаймлявшую их низкую стену, пошел вдоль нее и вскоре нашел проём. Кипарисовая аллея вела прямо к скоплению каких-то белесых строений. Я едва успел их рассмотреть, как туча закрыла луну, и дальше мне

Дракула

пришлось идти в темноте. Ветер, похоже, стал еще холоднее — во время ходьбы меня вдруг начало знобить, но я, не теряя надежду найти убежище, продолжал брести вслепую, на ощупь.

Внезапно наступила тишина — я замер: буря окончательно утихла, и из солидарности с полным безмолвием природы сердце мое, казалось, перестало биться. Но это длилось лишь миг, сквозь тучи внезапно проник лунный свет, и я увидел, что нахожусь на кладбище, а скопление белесых строений — надгробия, среди которых выделялся грандиозный мраморный склеп, белый, как снег вокруг него...

Появление лунного света сопровождал свирепый вздох бури, она вновь возобновилась, протяжно и негромко завывая, словно свора бездомных собак или стая волков. Я был напуган и потрясен, холод пронзил меня до костей, сердце как будто стиснули ледяные пальцы. Поток лунного света еще освещал мраморную гробницу, а буря тем временем явно набирала силу. Словно влекомый колдовскими чарами, я приблизился к склепу, намереваясь рассмотреть его и понять, почему такое монументальное сооружение находится здесь, в таком месте, в полном уединении. Я обошел гробницу и прочитал над дверью в дорическом стиле надпись на немецком:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН-ГРАЦ,
ШТИРИЯ
ИСКАЛА И ОБРЕЛА СМЕРТЬ
1801.

На вершине склепа, явно сделанного из прочного, чистой породы мрамора — вся постройка состояла из нескольких огромных блоков — торчало длинное же-